

Несколько медитаций в системе Ба-Гуа

Эскиз неснятого фильма

Юрий АРАБОВ

И ОНАЧАЛУ все было не очень плохо. Этак лет двести, с тех пор как граф Бахметьев приобрел это поместье и приехал туда жить с крепостной актрисой, которую он похитил между вторым и третьим актом трагедии из жизни древних греков.

Поместье требовало ремонта, однако лес кругом был удивительный. Холмы, поросшие дубами вперемежку с березами, прозрачный осинник, луга, спускавшиеся к реке Быстрой, которую можно было переплыть в несколько минут, но вода в ней была, как из колодца, так что в жаркие летние дни ее пили... Да и я еще кое-что застал. То есть Быстрая во времена моего детства уже попахивала мазутом, однако пруды были в целости, и мы ловили там бычков на ветку с леской. Из поместья, в котором несчастный граф, отвергнутый обществом, прожил лет двадцать со своей поддельной гречанкой, сделали музей. А остатки дубового леса перегородили и устроили парк.

Еще в шестидесятых я собирал там подберезовики и дубовики. Отдыхал на земле, прислонившись к холодному мрамору античных статуй. Но грянула наша дорогая перестройка. И среди зарослей чертополоха и лебеды возник учитель Чу.

Собственно, предвзятое появление учителя Чу в наших краях то печальное обстоятельство, что на место старого директора парка, который придерживался немудреного принципа «пусть растет все то, что может расти», пришел новый директор, молодой, энергичный, решивший поначалу построить теплицы и поставить вокруг парка новый забор.

Мы не возражали. Захотел, и пусть себе перестраивает, бедолага. Однако, когда он принялся огораживать забором мою любимую лужайку, круглую, как лоб вождя, с одиноком чуть искривленным дубом, я задумался. Показались тяжелые грузовики, свалившие на лужайку кучи щебня, — о, я уже проклинал все и вся. Мне показалось, что директор захотелось здесь построить себе дачу. Но, Боже мой, как я ошибался!

Каково же было наше удивление, когда на месте среднерусской полянки хмурые работяги начали возводить китайские пагоды! Дальше — больше. Привезли какие-то камни. Начали рыть траншеи, соединяя пруды каналами... Строительством руководил старый китаец, говоривший по-русски, про которого рассказывали, что он — жертва культурной революции. Однако, благодаря Дэн Сяо Пину, он восстал, так сказать, из тлена и прикатил в горбачевскую Россию, чтобы возвести здесь по просьбе властей китайский садик.

Мы очень долго хохотали. Это же надо, додуматься до такой дичи, чтобы корявый лес превратить в восточный ковер! Однако самый прозорливый из нас, Валентин Петрович, отставной мелиоратор и поклонник Мичурина, первым заметил тлетворный радиоактивный фон, который исходил из светлого лица учителя Чу. Дело в том, что у Валентина Петровича был собственный тип переустройства графского парка под условным названием «Детская площадка типа «Орленок» с песочницей, качелями и деревянным грибком типа «груздь белый, обыкновенный».

Валентин Петрович боролся за свою идею «Орленка», пробивал ее в дирекции парка, даже чертеж нарисовал, но дорогу ему перебежал китаец, и Валентин озверел.

Мы же очень долго терпели. Конечно, с камнями было трудно. Без специальной техники мы

Об уходящем столетии написано немало: повести, романы, эпопеи... Теперь, кажется, пришло время коротких новелл с символическими сюжетами, вбирающими в себя драматизм и парадоксальность новейшей истории России и человечества. Нашу новую рубрику открывает поэт и киносценарист Юрий АРАБОВ.

Общая 103-1994-95-29 окт. - 4 окт. (н.д.) - с. 11.

не могли их разворовать, и дело ограничилось тем, что белой краской кто-то написал на них «Горбачев-агент». Однако, когда пагоды начали покрываться цветной черепицей, многие дрогнули, и началась настоящая война. По вечерам мы отрывали доски с иероглифами и уносили их домой для подсобного хозяйства, обливали черепицу, как чешую, а Валентин Петрович черным углем везде рисовал орленка, который, как известно, взлетел однажды выше тучи.

Власти выставили милицейские посты с собаками. Собаки первое время были весьма агрессивными и дико лаяли, пока милиционеры спали в подсобке. Но ведь тварь Божья тоже имеет разумения. Тем более что Валентин Петрович объяснил одной овчарке, что наше дело правое и лаять на своих вовсе не требуется.

В тот период восточные работы уже велись на полную катушку. Оказывается, пруды соединяли каналами не просто так, а с той целью, чтобы по этим каналам плавали бы разные китайские лодки и чтобы обязательно был водопад. Всякому здравомыслящему человеку было ясно, что водопада, а еще и рек не получится, что пруды наши хилые и вся вода уйдет.

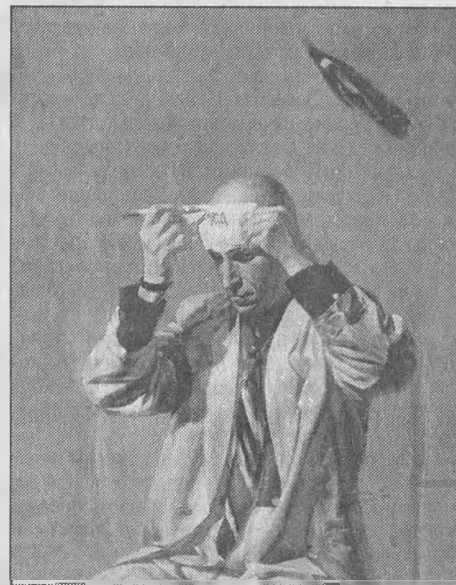
К тому времени мы уже разнесли в щепу первую пагоду, но когда однажды ночью пришли за второй, то нас встретили не привыкшие к нашему духу собаки, а сам седовласый учитель Чу. Ненавязчиво, в нескольких китайских словах, он объяснил нам, что пагоды, между прочим, маньчжурские, но что истоки их, несмотря на относительно молодой их возраст, в древней системе Ба-Гуа, которая, между прочим, появилась на свет еще до Лао Цзы и Конфуция.

Тут мы немного спасовали. Не нашлось у нас арсенала, не отыскалось, так сказать, идеального запаса, чтобы противостать такой древности, тем более что слово Ба-Гуа ассоциировалось с каким-то мордобоем, с ниндзями и с поломанной тазобедренной костью в монастыре Шао Линь. Один лишь Валентин Петрович заявил, что ему на это наплевать, что у него есть еще о-хо-хо как помозговать, что загадочнее — «Орленок» или ваша пресловутая Ба-Гуа.

Учитель же Чу со своей лучезарной улыбкой заметил на это, что самое загадочное на земле — это побеги молодого бамбука.

Не скажу, чтобы после этого что-то сильно изменилось в наших головах. Но в душе надломилось точно. Многих из нас зацепила эта мерзкая Ба-Гуа, и на следующий вечер мы пришли уже не с тем, чтобы национализировать очередную маньчжурскую пагоду, а с тем, чтобы он разъяснил нам, как по этой системе лупить — под дых или сразу по яйцам. Оказалось, что ни то, ни другое. Оказалось, что тысячи лет тому назад из великой Желтой реки вышла таинственная белая лошадь, на спине которой был нарисован квадрат и пара иероглифов. Эту лошадь засек один китайский монах и всю оставшуюся жизнь пытался расшифровать, что значит сия татуировка.

Этой же расшифровкой занимались Лао Цзы и Конфуций. И якобы из этой лошади явилась не только китайская культура, но только пагоды, которые здесь строились, но и вся мировая цивилизация в целом, со своими физическими зако-

СЕРГЕЙ ШЕРСТОК.

нами, с символикой цветов, с даоизмом, с Инь и Ян и прочей премудростью.

Я же спросил учителя Чу напрямик, признает ли он Бога. Но великий Чу ушел от ответа, сказав, что когда бамбук подрастает, под его корой образуется полое пространство, которое может вместить в себя не только идею Бога, но вообще все идеи, существующие на свете. Вот и выходит, что внутри — идеи, а снаружи — цветущий бамбук.

Тут уже мы спасовали. Спасовал даже Валентин Петрович со своим грибком типа «груздь белый, обыкновенный». Крыть было нечем. А учитель Чу предложил всем нам посадить бамбуковый сад, чтобы приобщиться к тайнам системы Ба-Гуа.

И после этого пошла уже совсем другая история. Мы начали сажать бамбук, рассуждать о символике цветов, одеваться, как форменные китайцы. Оказывается, черная шапочка на голове нашего учителя и его желтые шаровары обозначали власть. И мы впоследствии, когда поднялись до уровня бамбука, падали ниц от такой одежды, ибо уже понимали, что хрен с редькой, а что — великое Дао.

Таким образом мы включились в китайские работы. Мы рыли каналы, устраивали сад камней, сажали бамбук и медитировали. У Валентина же Петровича надул огромный флюс, и он только крыл по-черному все, что есть в подлунном мире, поминая и Тигра, и Обезьяну, и всех святых вместе с бамбуком.

Я с ужасом начал замечать, что многие из нас пожелтели. Даже глаза у немецких овчарок, которые сторожили наш маньчжурский сад, стали раскосые, странные какие-то. Камыш у прудов переговаривался с бамбуком. Птицы щебетали по-китайски.

Однако в итоге произошла все та же дичь. Если мы потихонечку вползали в лучезарный мир Дао, то учитель наш стал сдавать. Перемена

с ним произошла после того, как кто-то, не помню уж кто, угостил его пивом «Русь» из бутылки из-под лимонада «Херши», потому что пиво продавалось в розлив.

Глаза его наполнились какой-то мутной меланхолией. Тоска по Великой китайской стене, у которой, как он однажды нам признался, учитель оставил свою невесту перед поездкой в Россию, смешалась с отчаянием преобразовать Бахметьевский сад в Дальний и, может быть, даже Средний Восток. Чу говорил, что вид посаженного нами бамбука внушает ему мысль о тщетности, а Сад Камней доказывает непреодолимость горных троп.

А грустить было и в самом деле отчего... Каналы не получились. Вода, вместо того чтобы течь, как попало, начала высыхать и подернулась ряской. Бамбук сохнул на глазах. Пагоды разворачивались уже не нами, а пришлыми работягами с мехзавода, которым было решительно наплевать не только на Ба-Гуа, но и на мать с отцом.

И туманным осенним вечером учитель Чу попросил Валентина Петровича его отравить. Валентин хоть и был надутым на весь Китай, но все же не сказал решительного «нет», только сослался на то, что яда не имеет, а от, положим, какого-нибудь диалофоса появляется лишь глубокое опьянение, которое хоть и хуже смерти, но к смерти все-таки не ведет.

Учитель сказал на это, что сам даст нам рецепт яда, что его следует приготовить из зеленого бамбука при свете желтой луны, присовокупив к этому грязной воды из канала...

Не знаю, как Чу удалось нас уговорить. Его гипнотическое влияние сказало и в этом. В итоге мы все сделали, как он просил. А в довершение Валентин сжег на костре свой проект «Орленок» и добавил черного пепла в желтую жижу.

Учитель Чу принял яд. И под звуки старинной мантры, которую читал один из нас, отошел в мир иной.

Если вы будете как-нибудь в Бахметьевском парке, то милости просим в китайский садик. Он еще не до конца разграблен. За вход в него недавно брали всего лишь десять рублей, но после обоих штурмов Белого дома стали брать тысячу.

Экскурсоводом там работают я. Водя вас по садику, я объясняю вам, что значит камень; чем цапля отличается от лягушки и почему луна желтая. Я являюсь вам в черной шапочке и желтых шароварах, что означает славу и могущество. И вы не падаете передо мною ниц только потому, что для вас Ба-Гуа — просто пустой звук, потому что вы неучи и вандалы. Да, садик наш не получился. Не получились и восточный ковер. Вернее, в этом восточном ковре образовались непростительные дыры, сквозь которые торчат остатки дубов и арматуры.

А после лекции я пойду в подсобку к великому учителю Чу за советом, как жить жалше. Дело в том, что, выпив яду, великий Чу не умер, а просто долго болел. Во время болезни он окончательно потерял сходство с китайцем, а поправившись, сбрил бороду и устроился дворником с подобающей для этой важной профессии комнатой в Москве.

А Валентин же Петрович пошел на повышение. Против своей воли он как-то впитал «ненавистную систему Ба-Гуа, причем впитал, переменяв ее с деревянным грибком и с системой «Орленок».

Теперь он строит детскую площадку в центре Пекина, и китайские пионеры, проходя мимо, отдают ему китайский салют.